

«Пятая колонна» как новая социальная группа. К чему могут привести поиски «национал-предателей» — основатель ЦСП «Платформа» Алексей Фирсов для Forbes

В ситуации «осажденной крепости» поиск внутреннего врага становится способом переключения внимания общества. Но аморфность термина «национал-предатели» допускает максимальную свободу его интерпретации, и скоро в эшелонах власти может возникнуть серьезная конкуренция за право определять, кто в какой колонне сегодня идет, считает социолог Алексей Фирсов

Введение Владимиром Путиным в широкий оборот термина «пятая колонна» было сразу подхвачено идеологами, штатными функционерами, просто энтузиастами. Притом что президент использует и сам термин, и его синоним «национал-предатели» не первый раз, никогда еще это определение не падало на такую раскаленную почву. В отличие от «изменника Родины» «национал-предателя» юридически осудить невозможно (пока). Однако сигнал был послан и считан так, что и без юридического контекста этих людей надо выявлять и как минимум учитывать. В считанные дни возникли даже специализированные сайты, нацеленные на охоту за участниками «колонны».

Таким образом, фиксируется новая группа, которая в контексте заданной идеологии определяется не своими объективными характеристиками — профессией, гендером, типом и образом жизни, электоральными симпатиями и т. д. Ты можешь быть

качественным специалистом, творческой личностью и при этом в заданной системе координат быть обесценен, поскольку противостояшь «интересам нации». Но кто определяет эти интересы? Тот, кто может придать другому статус врага и потребовать экзистенциального выбора: «ты с ним или с нами». Иными словами, поставить человека в ситуацию тотальной ценностной идентификации внутри события.

Статусная жертва

В интерпретации президента участники пятой колонны – это лица, которые «телом тут, но душой там». Фактически или мысленно, в своих мечтах, они сидят в прихожих у глобальной элиты («высшей касты»), надеясь попасть в ее круг, но на деле являются для нее расходным материалом. Предлагается сравнение с мушкой, которая залетает в рот народу, но народ от этой мушки отмахнется или выплюнет обратно. «Народ» здесь ассоциативно рисуется в виде здорового мужика, который идет напрямик через лес, ломая кусты и отмахиваясь от навязчивых насекомых. Прямой дороги нет – но «танки грязи не боятся».

Кстати, почему не был использован термин «враги народа», более привычный в российском культурном коде? Дистанцирование от сталинской стилистики, с одной стороны, понятно, но с другой – чего стесняться-то? Что делать с «национальными предателями», еще надо разобраться. А с врагами народа – есть и отработанные практики, и коллективный опыт выявления. Станет ли поиск внутренних врагов формой истерии – это серьезный тест для национальной культуры.

Первый прецедент статусного «нацпредателя» удалось создать быстро. Им оказался Аркадий Дворкович, до последнего времени глава фонда «Сколково». После того как Дворкович в американском издании осудил российскую «спецоперацию»* на Украине, секретарь генсовета «Единой России» Андрей Турчак обвинил инноватора в измене и потребовал его отставки. Еще раз отметим, вопрос не ставился, является ли он хорошим или плохим руководителем фонда. Это теряет, по мнению политического

класса, значение в пограничной ситуации, требующей тотального выбора и разделения мира на «своих» и «врагов».

Дворкович – легкая мишень для подобной риторики. Либерал, принадлежащий к российскому истеблишменту, в недавнем прошлом вице-премьер, руководитель государственного фонда – фигура звонкая, медийная и беззащитная. В первую очередь под подозрением окажется бизнес-элита, потерявшая серьезные ресурсы в ходе конфликта. За ее настроениями и контактами будут следить очень внимательно. Это российские предприниматели наверняка понимают, поэтому уйдут со своими идеями в глубокое внутреннее подполье.

Признаки врага

Но как быть, если встанет задача массового поиска участников «пятой колонны»? При синдроме «осажденной крепости» поиск внутреннего врага является важным элементом социальной терапии, переключения внимания и объяснения событий. Обращая внимания на какие признаки, условный «ответственный гражданин» сможет сообщить о подозрительном поведении соседа, коллеги по работе, преподавателя в вузе? Здесь потребуются более четкие определения, которые опираются не только на свое психологическое ощущение и громкие проявления публичной позиции людей уровня Дворковича.

Учитывать ли критическую позицию в отношении «спецоперации»? Следуя логике Турчака, да. Но даже по социологическим данным, которые обладают повышенной неточностью в такие моменты (например, из-за нежелания большой доли людей отвечать на вопросы интервьюеров), таковых более 20%. Слишком большой объем для внутреннего врага, тем более что в перспективе эта доля может возрасти. Кроме того, актуальность термина наверняка не исчезнет и после окончания боевых действий.

Может быть, это люди, которые обладают собственностью и крупными счетами за границей? Но президент сделал важную оговорку: у него нет претензий к тем, у кого есть вилла в

Майями, на Лазурном берегу Франции, или к тем, кто ест фуа-гра в европейских ресторанах. Уровень потребления или местонахождение собственности не является достаточным признаком, хотя на безответственное поведение граждан, инвестирующих за рубеж, уже обратили внимание.

Как быть с людьми, которые обладают в обществе высоким моральным авторитетом, но при этом выступили против политики государства? Например, с Чулпан Хаматовой, публично осудившей «спецоперацию» и покинувшей Россию? Готовы ли активные борцы с национал-предателями причислить к ним руководителя фонда «Подари жизнь», очень многое сделавшего для своей нации? Или потребуются еще какие-то промежуточные, более компромиссные термины? Здесь власть может столкнуться с позицией наиболее статусной российской интеллигенции, которая и призвана выражать в эстетической форме национальный характер.

Может быть, критерий – сознательное сотрудничество с западными институтами, ведущими идеологическую работу? А здесь есть риск суждения. Контракта может не оказаться, но это не отменяет внутренней установки. Иными словами, мы упираемся в ситуацию, когда аморфность и зыбкость термина будет допускать максимальную свободу его интерпретации. Как говорил герой Виктора Пелевина в романе «Generation P»: «Антирусский заговор, безусловно, существует, проблема только в том, что в нем участвует все взрослое население России». Это означает, что в эшелонах власти возникнет серьезная конкуренция за право определять, кто в какой колонне сегодня идет.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения автора

** Согласно требованию Роскомнадзора, при подготовке материалов о специальной операции на востоке Украины все российские СМИ обязаны пользоваться информацией только из официальных источников РФ. Мы не можем публиковать материалы, в которых проводимая операция называется «нападением», «вторжением» либо «объявлением войны», если это не прямая цитата (статья 53 ФЗ о СМИ). В случае нарушения требования со СМИ может быть взыскан*

штраф в размере 5 млн рублей, также может последовать блокировка издания.

Фото: Sergei Mikhailichenko / SOPA Images / LightRocket via Getty Images

[Читать оригинал: Forbes](#)